

венную Словесность были великими Монархами. Это есть условіе, *sine qua non*. Сямъ только качествомъ восшелъ Владимиръ на столь высокую степень могущества и славы; онъ показалъ на дѣлѣ, что былъ достойнымъ воспитанникомъ Великаго Меѳодія. Величіе и процвѣтаніе Болгаріи, какъ въ умственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, суть ближайшіе плоды трудовъ сего Апостола Славянской Церкви.

Владимиръ оставилъ наслѣднику своему Державу, распространившуюся отъ Термопиль до береговъ Дона, отъ Адрианополя до предѣловъ Штиріи и Австріи, заключаемую Чернымъ и Адриатическимъ морями и дѣлю Карпатскихъ горъ. Это была тогда величайшая, первая и могущественнѣйшая Держава Европы; а по быстрымъ успѣхамъ въ образованности, въ отечественной Литтературѣ и наукахъ она скоро сдѣлалась и просвѣщеннѣею. Если же искать великихъ людей сего времени въ Европѣ, то первымъ изъ нихъ окажется сей незабвенный Монархъ Болгаріи, достойный имени Великаго; ибо и Италія въ сіе время дошла до такого невѣжества, что узнала опять объ Омирѣ или Гомерѣ только съ XIII столѣтія. Аристотель, одинъ почти изъ Греческихъ классиковъ, былъ извѣстенъ на Западѣ въ недостаточномъ переводѣ его книги: *Organon*, сдѣланномъ по повелѣнію Карла Великаго; творенія гениевъ классической Греціи, какъ языческой, такъ и Христіанской, стали быть извѣстными Западу Европы только съ исхода XV столѣтія, то есть, когда, послѣ паденія Константинополя, Греки шайками бѣжали, вмѣстѣ съ рукописями, на Западъ, гдѣ искали пропитанія отправленіемъ должности учительской, между тѣмъ какъ Болгаре пользовались ими уже въ IX, X, XI столѣтіяхъ. Сверхъ сего, замѣчательно еще и то, что Болгаре имѣли краткую Грамматику своего языка уже съ 900, между тѣмъ какъ нынѣшніе просвѣщенные Европейскіе народы гораздо позже схватились за образованіе отечественнаго своего языка.

И такъ я принимаю Болгаръ за классическій народъ. Конечно, нельзя сказать этого въ отношеніи къ Европѣ вообще; но должно именно сказать въ отношеніи къ Россіи—